

Тройное социальное конструирование питания

Ц. Цзинь✉

Пекинский университет, Пекин, Китай

✉j530519513@126.com

Введение. Человек и продукты питания постоянно находятся в взаимообусловленных отношениях. На протяжении всей истории человечество пыталось изменить или улучшить подобные регламентированные взаимоотношения.

В статье рассматриваются проблемы социологии питания, связанные с изучением социальных практик питания. Отмечается целесообразность включения в рамки социологии питания продуктов питания как объектов, которые влияют на конструирование социальных и организационных практик и оказывающих влияние на социальное взаимодействие акторов. Подчеркивается обратное воздействие питания на поведение человека как фактора социального процесса.

Методология. В данной работе для анализа социальной практики питания как социального процесса использована понятийная конструкция «социальное конструирование» с точки зрения социологии вещей, социологии познания и социологии питания.

Результаты и обсуждение. Социальное конструирование питания, делится на три типа. Номинативный тип – элементарное осознание веществ. Измерительный тип – дальнейшая систематизация знаний о продуктах питания и действиях, имеющих к ним отношение (различение веществ по признаку съедобности, установление различных основ продуктов или их социальные атрибуты, определение основных способов изготовления продуктов питания). Институциональный тип – определение, в какой форме проводить действия с продуктами и всем, что с ними связано (возникновение порядка трапезы и режима питания, преодоление первобытного натурализма в питании).

Исследуется гипотеза о том, что каждый уровень конструирования обуславливается социальной и структурной средой взаимодействия акторов.

Заключение. В современной системе питания номинативный, измерительный и институциональный типы конструирования находятся в сложном и запутанном состоянии. По причине временной последовательности истории система знаний, сконструированная предшественниками, превратилась в «наличные знания». Последующие поколения постепенно перестали различать сложность многоуровневых социальных конструкций реальности.

Анализ социального конструирования реальности может помочь лучше понять социальную природу питания. В частности, дать ответ на вопрос: как сами продукты питания являются социальными конструкциями, как они создаются нашим сознанием под воздействием уже имеющейся наличной системы знания, как конструируются их свойства (их вкусы), которые, как оказывается, являются не столько биологическими, но социокультурными свойствами.

Ключевые слова: питание, социология познания, номинативное социальное конструирование, измерительное социальное конструирование, институциональное социальное конструирование.

Для цитирования: Цзинь Ц. Тройное социальное конструирование питания // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 83–95. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-83-95

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 04.11.2019; принята после рецензирования 06.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Triple Social Construction of Food and Eating

Junkai Jin✉

Peking University, Beijing, China

✉j530519513@126.com

Introduction. Sociology of food and eating studies social practices of diet. It is necessary to include these issues in the framework of sociology of food and eating, such as how people construct food as a social object and organize social practices of diet; and how diet as a social process affects human behavior. This paper aims to show the social nature of diet and reveal the process of knowledgization and institutionalization of food and eating.

Methodology. This article analyzes the social construction of food and eating, focusing mainly on three directions - sociology of things, sociology of knowledge and sociology of food and eating.

Results and discussion. Social construction of food and eating is divided into three dimensions: nominal, measuring and institutional construction of food and eating. Each dimension of construction is determined by the social and structural environment.

Conclusion. In the modern system of food and eating, the nominative, measuring, and institutional type of construction are in a complex and confusing state. Because of the temporal sequence of history, the knowledge system constructed by the predecessors has become "knowledge at hand". Subsequent generations are gradually unable to recognize the complexity of multilevel social constructs of reality.

Key words: diet, sociology of knowledge, nominative social construction, measuring social construction, institutional social construction.

For citation: Jin J. Triple Social Construction of Food and Eating. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 83–95. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-83-95 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.11.2019; adopted after review 06.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. Человек и продукты питания постоянно находятся во взаимообусловленных отношениях. Предметы, являющиеся пищевыми продуктами, могут существовать в том или ином виде или исчезать и при отсутствии человека, при этом человечество при отсутствии продуктов питания, созданных из натуральных веществ, окажется на пороге гибели. Такая взаимосвязь человека и продуктов питания создает одно из самых важных – базовых – материальных отношений человечества. На протяжении своей долгой истории человечество пыталось изменить или улучшить подобные регламентированные взаимоотношения. Ф. Бродель обнаружил, что в истории человечества были четыре «продовольственные революции». Первая приходится на эпоху палеолита и знаменует собой переход к потреблению мяса. Вторая приходится на эпоху неолита – это переход к земледелию и скотоводству. Следующий переход связан с созданием мировой экономики и глобальной системы питания как следствие начала географических открытий и развития морской грузовой торговли. Последний переход связан с началом массового промышленного производства и созданием системы потребления [1]. Однако это не снимало полностью все ограничения, а являлось лишь попыткой человечества

найти некоторые пути компенсации напряженности на этом уровне материальных отношений. Однако в обществе вследствие человеческой деятельности (внутренней и внешней) на этом уровне материальных отношений снова появляется множество новых социальных отношений. Питание людей, будучи самой важной деятельностью в повседневной жизни человека, не стало объектом исследования в основных течениях социологии раннего периода. Начиная с Дюркгейма, социология вывела все натуральные, предметные и материальные отношения за рамки исследований. Только позже Бруно Латур по-настоящему ввел анализ материальных объектов в качестве объекта социологического исследования (примеры конкретных теоретических рамок и объектов исследования социологии питания даны в работах Ю. В. Веселова «Социология питания: теоретические основания» (2014), «Современная социальная система питания» (2015), «Повседневные практики питания» (2015) [2–4].

Социология вещей Б. Латура ставит перед нами два вопроса: «Что такое вещь?» и «Как материальный объект становится вещью?» [5]. По мнению автора, ответ на первый вопрос заключается в следующем: вещь – это то, что имеет фиксированную сущность; ответ на второй вопрос приводит к анализу истории и контексту процесса становления вещи. Б. Латур утверждает, что вещи как актанты не имеют фиксированной сущности и границы, они всегда находятся во временном союзе со своими социальными конструктами. Чтобы понять, как образуются материальные и вещественные факторы питания в качестве социальной составляющей, а также проследить взаимное влияние продуктов питания и человека, необходимо применить особый подход в рамках конструктивистского реализма при помощи исследования социального конструирования питания, объединяющего два момента – реальность и конструкцию питания.

В данной статье не ставится задача дать конечный ответ на философские вопросы о проблемах универсалий (реализм и номинализм, детерминизм материи и сознания и т. п.), создать общую теорию социального конструирования объективного существования общества. Здесь лишь предпринята попытка анализа восприятия человеком материальных предметов, используемых в качестве продуктов питания, с точки зрения социологии, а также анализа материальных отношений начального уровня (люди и признанные продуктами питания материальные предметы), в которых осуществляется социальное конструирование, и влияния социального конструирования на ограничение действий людей в общественной жизни. Некоторые положения данной статьи могут показаться сомнительными или носящими критический характер, однако это следствие попытки автора самостоятельно исследовать процесс социального конструирования питания.

Социальное конструирование социального мира и социология познания. Понятие «социального конструирования» в большой степени подверглось влиянию неокантианства и традиций феноменологии. Действительно, в основе исследования «Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания» [6] Питера Бергера (Peter L. Berger) и Томаса Лукмана (Thomas Luckmann), опубликованного в 1966 г., лежат идеи Альфреда Шюца (Alfred Schutz). Авторы исследования считают, что социология познания является основанием теории социологии, ее задача – проведение анализа социального конструирования реальности, а именно проведение анализа двойственного характера общества. С одной стороны, общество рассматривается как объективный факт (о чем говорил Дюркгейм), с

другой стороны, оно имеет доказанное Вебером субъективное значение понимания. Именно поэтому социология познания должна дать теоретическое объяснение объективному и субъективному конструированию.

А. Шюц также считал, что реальность и порядок многообразны. Каждый из них имеет свою собственную специфику и индивидуальную манеру существования (*style of existence*). Шюц разделил реальный мир на несколько видов: мир чувственного восприятия, или мир природных/натуральных вещей – это основная реальность (*paramount reality*), отдельно в этом виде реальности стоит мир «науки»; мир воображаемых/идеальных отношений; мир племенных идолов (*idols of the tribe*); сверхъестественный мир различных мифов и религий; различные миры особых личных мнений; чистый сумасшедший мир и мир фантазии [7, с. 291]. Конструирование реальности помимо наличия кратной конструктивности имеет также и культурные ограничения. Эти культурные ограничения носят исторический характер. Шюц считал, что мир повседневной жизни – межсубъективный мир (*intersubjective world*), который существовал задолго до нашего рождения, проинтерпретированный в результате опыта наших предшественников как организованный мир. Любая интерпретация этого мира основана на запасе (*stock*) предыдущих его познаний, а также на совокупности нашего собственного опыта и опыта, переданного нам нашими родителями и учителями. Данный запас познаний в форме «наличного знания» (*knowledge at hand*) [7, с. 208] функционирует в качестве схемы референции.

Автор не отрицает наличие объективных явлений и материи. Реальность подразумевает соответствие объективным явлениям, однако данные объективные явления, по сути, есть овеществление продукта социального конструирования человека. Это касается и натуральных предметов, хотя их существование обусловлено наличием определенных закономерностей в таких областях, как время, пространство, свойство и пр. Но каким образом человек может осознавать и выражать эти закономерности? Человек использует номинативное и измерительное конструирование для символизации этих закономерностей. Например, в естествознании ученые создали целый ряд математических, химических и физических номинативных знаков для обозначения неких реалий (время, пространство, таблица химических элементов и т. п.). После того как подобные знаки были приняты в научных кругах, они прошли символизацию и превратились в некую социальную реальность. Помимо этого, для более качественного исследования данных реальностей ученые также создали разнообразные знаки и формулы измерительного и вычислительного характера: единицы измерения времени и пространства, цифры, единицы веса и т. д.

Следует отметить, что у разных обществ существуют разные единицы измерения, например, измерения времени. Так, в ряду древних китайских единиц исчисления времени, помимо аналогичных арабских и римских математических цифр, имеются также иероглифические единицы времени, которые отличаются от принятых в современной науке: они делятся на две группы – это знаки десятиричного цикла, так называемые «небесные столбы» (甲, 乙, 丙, 丁, 戊, 己, 庚, 辛, 壬, 癸), и знаки двенадцатилетнего цикла, так называемые «земные ветви» (子, 丑, 寅, 卯, 辰, 巳, 午, 未, 申, 酉, 戌, 亥). «Небесные столбы», в свою очередь, делятся на пять нечетных (мужских) и пять четных (женских); «земные ветви» тоже делятся на шесть нечетных (мужских) и шесть четных (женских) ветвей; «нечетные столбы» и «нечетные ветви» сочетаются друг с другом по порядку, так же, как и «четные

столбы» и «четные ветви». В итоге они образуют систему исчисления времени, состоящую из 60 циклически повторяющихся сочетаний.

По-видимому, подобное социальное конструирование мы и воспринимаем как научное. Такое измерение не может ограничивать человечество в процессе «научных» исследований и наблюдений, и в отношении этих закономерностей больше не проводится их вторичное субъективное конструирование. Представители классической социологии, например, Роберт Мертон (Robert K. Merton), считали, что наука занимает особое место в теории познания (гносеологии) [8], так как научные знания существенно отличаются от других форм познания (например, религиозной или идеологической). Последние явно испытывают влияние факторов среды и общественной истории, характеризуются определенной относительностью и ограниченностью. Научные знания не подвержены влиянию социальных факторов и вследствие этого носят всеобщий и универсальный характер. Поэтому классическая социология познания не включает научные знания в сферу объектов своих исследований. Однако после 70-х гг. XX в. ученые, находящиеся под сильным влиянием концепции философа Томаса Куна (Thomas Kuhn), также стали включать научные познания в сферу своих исследований [9]. Была сформулирована идея о том, что научные познания также являются продуктом социального конструирования и неизбежно подвергаются влиянию социально-культурных факторов. Например, Бруно Латур, Стив Вулгар (Steve Woolgar), Карин Кнорр-Цетина (Karin Knorr-Cetina) [10–11] и другие ученые в процессе социологических исследований широко применяли концепцию социального конструирования в анализе научных явлений, а также проводили углубленный анализ процесса микроконструирования научной практической деятельности.

Действительно, «наука» – это своего рода продукт социального конструирования человечества, т. е. продукт, созданный в условиях некой особой «социальной среды» и возникающий как определенный «научный» конструкт. Однако относительно «научного» социального конструирования существует некая тенденция поиска «истины», которая привела к тому, что у человечества возникло суждение о «правильности и ошибочности». Это означает, что на пути поиска «истины» все многообразие реальностей может быть сведено к бинарной оппозиции. Например, система традиционной китайской фармацевтики построена на базе представлений об инь и ян (и пяти стихиях – основных элементах природы). В китайском традиционном обществе подобная лечебная система считалась правильной. Однако в западной «научной» системе лечения восточное толкование медицины «инь-ян» считается абсурдным, ненаучным. Вполне очевидно, что в сегодняшнем глобализированном мире обе стороны в определенной мере пересмотрели понятие «научности» и постепенно начали признавать некоторые позиции оппонентов, т. е. можно сказать, что в различных социальных средах возникают различные конструкции «научности», однако современная «научная концепция», по-видимому, склонна все эти многочисленные реальности сводить к бинарной системе противопоставления «либо одно, либо другое», «научное» или «ненаучное», где «ненаучное» загоняется в сферу понятия «ошибочное». Мир, в котором мы живем, столь сложный, что, очевидно, некая единственная «наука» не может объяснить существование всех реальностей. В качестве примера можно привести слова Мишеля Фуко из предисловия к книге «Слова и вещи» (*Les Mots et les choses: un archeologie des sciences humaines*), где автор говорит, что к написанию подобной книги его побудил Х. Л. Борхес, который, цитируя «некую китайскую

энциклопедию», приводил имеющуюся там следующую классификацию животных: а) животные, принадлежащие Императору; б) бальзамированные животные; в) прирученные животные; г) молочные поросята; д) сирены; е) сказочные животные; ж) бродячие собаки; з) животные, включенные в данную классификацию; и) животные, буйствующие, как в безумии; к) неисчислимы животные; л) животные, нарисованные очень тонкой верблюжьей кистью; м) другие животные; н) животные, которые только что разбили кувшин; о) животные, издавляемые мухами [12]. Такого рода знания в «истинной» для китайцев реальности трактуются как абсурдные, ошибочные в других социальных средах. Поэтому в отношении объективного, действительно, существование обладает кратной степенью реальности.

Что же в таком случае делать социологам? Как указывал Вернер Старк (Werner Stark), задача социологии познания состоит вовсе не в критике и разоблачении искаженных обществом знаний, а в проведении системного исследования социальных условий, без которых невозможно существование знаний как таковых [13]. Социологи должны понимать, что социальная относительность «знаний» и «реальности» связана с социальной средой. Социология познания вынуждена рассматривать различия подобных социумов. Социологам следует анализировать процессы осознания человечеством разнообразных знаний и опыта, а также разнообразные процессы превращения этих знаний в реальность посредством социального конструирования. Из всего изложенного можно понять, что социальное конструирование реальности носит характер «социальной включенности». Будь то начальное конструирование опыта и знания человеком или двойное конструирование от знаний к реальности, – всё проявляет социальную включенность, в том числе в реальность структурную и культурную (здесь использовано понятие «структурной включенности», которое отличается от понятия, введенного Грановеттером).

Так называемые знания и реальность являются естественными социальными конструкциями некой включенности в социальную среду. Создание такого социального конструирования подвержено структурным и историческим ограничениям социальной среды. Здесь структурная включенность означает не только социальные отношения, существующие в жизни общества, совокупность систем взаимодействия, но также и все материальные структуры жизни общества или совокупность сочетаний человека и материи. Культурная включенность подразумевает совокупность всех общественных, исторических и культурных фонов, в которых пребывает субъект. Теперь рассмотрим, как выглядит социальное конструирование питания.

Тройное социальное конструирование питания. Во-первых, акт принятия пищи имеет объективное ограничение – сами продукты питания. Без них невозможен и акт принятия пищи. Это рассматривается как объективное существование внешнего мира материи пищевых продуктов. У человека касательно этого имеется первичная интернализационная форма (картина мира). Наиболее ранняя форма интернализации – элементарное осознание веществ. Что такое элементарное осознание веществ? Формы интернализации начинают передаваться путем символического наименования. Каждый определенный предмет маркирован человеком через условные знаки. Такое выражение может быть представлено в виде некоего поступка, настенной росписи, слова или крика и т. п. Подобные элементарные символы, субъективно предположенные человеком или появившиеся случайно, в один момент

получают признание других индивидов или групп, после чего вступают в процесс объективизации обозначения, и тогда эти обозначения (символы) обретают социальные атрибуты. Эти условные элементы, которые имеют связующую функцию и помогают запоминанию, становятся базовыми конструктами осознания человечеством социума. Они обладают свойством элементарности. При отсутствии названий этих материальных вещей они по-прежнему будут объективно существовать, но для человеческого знания и опыта непоименованные социальные конструкты не смогут конструировать знания следующего уровня. Конечно, подобный тип социального конструирования имеет свойство социальной включенности. Различные структуры окружающей среды и историческая культура действительно определяют разнообразие именных форм символов. Например, начальное конструирование некоторых продуктов, осуществленное четырьмя великими древними цивилизациями, оказывается различным, особенно в языковом аспекте. Люди каждой цивилизации проводят конструирование на базе структур среды, окружающей обозначенные вещества, на структурах среды, окружающей человека и предметы, а также на накопленном историческом опыте взаимодействия местных людей с данными предметами, поэтому и возникает разнообразие социального конструирования каждой цивилизации в отношении данных предметов.

Второй вид социального конструирования – это социальное конструирование, созданное в процессе дальнейшего осознания человеком конструкций именуемых форм. Данные социальные конструкции содержательны по характеру и обладают свойством социального измерения. Его конструктивное значение состоит в том, чтобы проводить дальнейшую систематизацию знаний о продуктах питания и действиях, имеющих к ним отношение: например, различение веществ по признаку съедобности и установление различных основ продуктов или их социальных атрибутов (религиозная социальная конструкция – чистые и нечистые продукты), определение основных способов изготовления продуктов питания (с использованием огня или с использованием воды) и т. д. Одним словом, подобная имеющая оценочное значение социальная конструкция позволяет людям более полно осознавать продукты питания. Такого рода многогранные социальные конструкции также ограничиваются накопленным историческим опытом, связанным с этим веществом и окружающей материальной структурой, в которой пребывает человек. Например, вкусовые свойства продуктов необходимо различать, используя новые социальные методы оценки. Люди начинают объяснять новые социальные конструкции посредством других, уже известных социальных конструкций моделей наименования. У некоторых первобытных племен было такое разделение вкусов: кислый (вкус фруктов из семейства цитрусовых), сладкий (это вкус редко встречающегося меда, считался превосходным лакомством), соленый (считался еще более ценным вкусом, чем сладкий), острый (почти не встречающийся вкус) [14]. Приведем еще один, более сложный, пример. Пища в сознании китайца неразрывно связана с учением об универсальных мироустроительных силах: мужском начале – ян (символизирующем тепло, активность, развитие и свет) и женском начале – инь (символизирующем холод, пассивность, тьму, изображаемом прерывистой чертой). Согласно этому учению все в мире, в том числе и еда, может быть атрибутировано либо как иньское, либо как янское. Основная идея этой концепции – поддержание баланса между мужским и женским началами. Таким образом, продукты, будучи отнесенными либо к «ян», либо к «инь», либо к нейтральным, должны быть составлены в рационе так, чтобы не нарушать описанный баланс [15]. Однако подобная социальная

конструкция далеко не во всех обществах воспринимается как обоснованная. Нам необходимо понимать, что такие понятия, как «кислое, сладкое, соленое, острое, горькое» и «инь» и «ян», всего лишь воплощение созданных людьми социальных конструкций и являются только лишь сложившимися различными способами их оценки вследствие факторов «социальной включенности».

После того, как описаны две обозначенные конструкции, возникает следующий вопрос: «Что в истории появилось раньше – различие съедобного-несъедобного, т. е. базовых атрибутов некоторых продуктов (измерительная конструкция), или же номинативная конструкция, т. е. появление продуктов либо некоторых названий продуктов?». Неважно, в философском аспекте или в антропологическом, мы не в состоянии дать точный ответ на данный вопрос. Однако эти два вида конструирования эффективно выстроили систему знаний человечества о питании. Если посмотреть с точки зрения истории, эти две социальные конструкции питания переплетаются друг с другом. В процессе знакомства человека с продуктами питания появлялись новые сочетания, производились новые продукты, люди давали им названия, затем снова появлялась новая измерительная социальная конструкция.

Третий вид указывает на необходимость на основании объективных реальностей обозначенных социальных конструкций провести институциональное социальное конструирование, связанное с продуктами питания. Упорядоченная структура знаний человека о продуктах и действия человека, связанные с продуктами, имеют взаимные ограничения. Люди в процессе осознания продуктов питания могут определять, в какой форме проводить действия с продуктами и всем, что с ними связано; а в процессе этих действий люди могут выявить новые формы интернализации, тем самым проводить новые действия по восприятию продуктов либо же другие действия, в основе которых те находятся. Например, возникновение порядка трапезы и режима питания (хотя мы не можем установить, по какой причине они появились, но мы знаем, что они являются реальным продуктом нашего конструирования) способствовало тому, что трапеза формировалась как временная закономерность – человек принимает пищу вовсе не тогда, когда он достигает определенного уровня голода, но тогда, когда социальная группа согласно условленному времени собирается вместе и сообща проводит акт совместного приема пищи. Это первое преодоление первобытного натурализма в питании. Второе преодоление – многослойность совместного приема пищи, т. е. очередность питания, установленная обществом. Третье преодоление – нормы этикета приема пищи [16]. Помимо этого, приборы на столе и общение в процессе приема пищи между едой как таковой и потребностями субъекта создали необходимое время и расстояние, тем самым превратив процесс питания в разновидность постоянной практики социального характера.

Два вида конструкций питания, о которых говорилось выше, предоставили людям достаточно знаний о еде. В этих реальностях люди породили пристрастия в поведении, связанные с продуктами питания или склонностями к продуктам питания. Подобные пристрастия после практики в определенной форме получают институционализацию и образуют разновидность новой социальной реальности. Например, религии в отношении продуктов провели измерительное конструирование нечистоты, поэтому возникло явление, когда во время поста верующие строго контролируют свое пищевое поведение. Такой вид институционализированной конструкции делает социальную реальность еще более объективной.

Последний вид социального конструирования питания, очевидно, намного более сложный, так как социальная конструкция питания явно может быть связана с содержанием всех других реальностей в едином измерении (в условиях глобализации они теперь даже сравниваются с различными измерениями). Мы не можем принять во внимание все эти связи, но описанное тройное социальное конструирование создает реальность питания в форме взаимодействия друг с другом. К тому же неважно, продукты питания или связанное с ними действие, — все это включено в различные социальные среды и исторические культуры.

Прочие факторы и эмпирическое значение. Также необходимо учитывать, что в сложном конструировании третьего типа мы, по-видимому, забыли о самых базовых материальных отношениях между человеком и предметами. Неравная материальная структура «человек и пища» может в повседневной жизни поставить человека в затруднительное положение. Сорокин утверждал, что, когда появляется недостаток продуктов питания, обычное состояние общества может быть испорчено и нарушено (возрастает показатель преступности, войн, общественных беспорядков и революций), фактор голода приводит к разрушению нормального состояния функции питания общественного организма [17]. Этот пример заставляет нас вновь обратить серьезное внимание на самую базовую материальную структуру и потребность человека. Кроме этого, сегодня мы оказываемся перед лицом двух серьезных проблем. Первая заключается в следующем: продукты и все связанные с продуктами действия в условиях непрерывного социального конструирования третьего типа, пройдя историческое крещение, превратились в «наличные знания» для потомков. Подобные культурные знания после овеществления превратились в объективную реальность современных людей. А это для них несет определенное принуждение. Потомки не смогут абсолютно четко различить, с помощью какой последовательности и логики эти многочисленные социальные конструкции превратились в нынешние реальности. Неважно, что выберут потомки — принять или отказаться от этого опыта, они все равно будут подвергаться влиянию объективных реальностей предыдущей истории. Например, сегодня мы на самом деле не знаем, почему по этикету нельзя одновременно есть два основных продукта питания — рис и лапшу. Мы знаем, что это порядок, оставленный нам в наследство предками, но совершенно не знаем, откуда пошла подобная социальная конструкция. Еще пример, большинство современных китайцев не знает, почему мандарины и помело относят к янским и иньским продуктам соответственно. Потомки узнали об этой классификации только посредством «наличных знаний», но не знают, почему все-таки одно было определено как иньское, а другое как янское. Таким образом, на этой основе мы будем продолжать «выпускать ветви и выбрасывать листья». И это дает нам возможность поднять вторую проблему: в современном обществе потребления созданные человеком социальные конструкции и институты реальностей посредством овеществления порождают новую силу, и эта внешняя сила, наоборот, ограничивает человечество. Она происходит из разрыва между реальностью повседневной жизни и других реальностей (научной, художественной), она отделяет потребителей от творцов новой материи. А люди, живущие повседневной жизнью, из-за нехватки восприятия реальностей других измерений имеют в результате культурное отставание. Между двумя реальностями действительно возник разрыв восприятия, эти люди, находясь в состоянии беспорядка, механически принимают все, что они могут делать. А такие люди в повсе-

дневной реальности в отношении новых вещей порождают новое социальное конструирование. Но эти новые конструкции – не те, которые могут быть приняты создателями. В это время из-за того, что созданная материя является каналом связи двух реальностей, она превращается в субъект, контролирующий обе стороны. Сейчас мы не в состоянии дать ответы на подобные вопросы. Но мы надеемся, что сможем заново осознать эту существующую многоуровневую объективную реальность путем разделения социального конструирования на подклассы.

Может ли описанная трехчастная форма социального конструирования питания, о которой мы сегодня ведем речь, помочь нам объяснить некоторые явления повседневной жизни, связанные с актом приема пищи? Ответ утвердительный, даже если она не может решить абсолютно всё. Например, мы попробуем ответить на вопрос, почему же китайцы в России продолжают в основном посещать китайские рестораны, практически игнорируя местные кулинарные традиции. В первую очередь ответ содержит структурные причины: замкнутость социальных сетей – сетей местных китайцев [18, 19]. Но мы хотели бы проанализировать это с позиций субъективизма поведенческих пристрастий. Люди Древнего Китая сконструировали набор сложных систем знаний о создании пищи на основании природных условий проживания и социальной обстановки (сложные системы, сконструированные с опорой на понятия инь-ян, пяти стихий). Однако пройдя крещение историей, люди долгое время на основании этих систем знаний осуществляли действия, связанные с питанием. Независимо от того, придерживаются китайцы или не соблюдают методы этой особой социальной конструкции измерительного типа, китайская кухня институционализировалась именно в таком процессе. Очевидно, что китайская кухня существует не изолированно, только после появления других способов конструирования питания люди смогли собственную социальную конструкцию питания назвать «китайской кухней». Конечно, следует обратить внимание на тот момент, что этот набор сложных систем знаний китайцев на протяжении истории вовсе не был устойчивым, а проходил через многократные вторжения внутри страны и вовне ее (фактор войн). Но основная система конструирования сохранялась и в конце концов вещественно сформировалась как реальность повседневной жизни. К тому же сейчас глобализация принесла новые системы питания по всему миру, но новые участники процесса, похоже, не могут полностью расшатать подобные социальные конструкции. Когда китайцы прибывают в другие места (например, в Санкт-Петербург), в сравнении они начинают понимать, что реальность, созданная местной социальной конструкцией питания, не удовлетворяет потребности китайцев в отношении сложной и прочной системы знаний о питании; а западные страны либо страны Африки и Америки в отношении измерения конструкции питания под влиянием «социальной включенности» создали реальность другого уровня.

Конечно, в конструкциях базовых атрибутов пищи хотя и имеются определенные культурные различия, но в основном можно отыскать общие величины. Например, социальная конструкция вкусовых ощущений; хотя методы оценки вкуса весьма отличаются, люди из разных мест могут, исходя из такого рода величины, опираясь на социальную конструкцию реальности своей повседневной жизни, найти нечто непривычное и неприятное. Но китайское деление продуктов по системе «инь-ян» и пяти стихий – специфическое. Запросы дан-

ной реальности к продуктам в других реальностях невозможно измерить и сравнить. Давайте спросим, где в ресторанах русской кухни и американского фаст-фуда можно найти «инь-янь» и «пять стихий»? Также стоит обратить внимание на то, что китайцы с течением времени превратили такую социальную конструкцию измерительного типа в бессознательную объективную реальность (конечно, в Китае существуют и другие различия в конструкциях системы питания, но они не являются важными в социальном смысле факторами). Поэтому когда на улице спрашиваешь китайца, почему он предпочитает китайскую кухню, он может ответить, что просто нравится, или же китайская кухня вкусная... Запросы этой специфической реальности как будто не обнаруживаются. На самом деле это реальность, которая глубоко влияет на действия китайцев. В силу исторических причин они могут соприкасаться только с этими овеществленными «наличными знаниями». В этом объяснение того, что в данной статье проанализированы реальности питания по трем типам социального конструирования.

Заключение. Данная статья анализирует социальное конструирование питания с точки зрения социологии вещей, социологии познания и социологии питания. Ее цель не в попытке создать общую теорию социального конструирования реальности. В силу того, что реальность многоуровневая и обладает свойством «социальной включенности», она не позволяет в настоящее время с легкостью проводить общий анализ социального конструирования в отношении всех социальных явлений. Наша сегодняшняя тематика ограничивается развернутым обсуждением вопросов социального конструирования питания, которое делится на конструирование номинативного, измерительного и институционального типа. В современной системе питания эти три типа конструирования находятся в сложном и запутанном состоянии. Но каждый уровень конструирования обуславливается социальной средой и структурной средой реальности, в которой он находится. Вследствие временной последовательности истории, система знаний, сконструированная предшественниками, превратилась в «наличные знания». Последующие поколения тоже постепенно перестали различать сложность многоуровневых социальных конструкций реальности. Что касается адекватного анализа социального конструирования реальности, он может помочь нам лучше понять социальную природу питания, в частности, дать ответ на вопрос: как сами продукты питания являются социальными конструкциями, как они создаются нашим сознанием под воздействием уже имеющейся наличной системы знания, как конструируются их свойства (их вкусы), которые, как оказывается, являются не столько биологическими, но социокультурными свойствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. I. The Structures of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1992.
2. Веселов Ю. В. Социология питания: теоретические основания // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева. 2014. Вып. 10. СПб.: Изд. центр экон. ф-та СПбГУ. С. 168–199.
3. Веселов Ю. В. Современная социальная система питания // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, №1. С. 68–82.
4. Веселов Ю. В. Повседневные практики питания // Социол. исслед. 2015. № 1. С. 95–104.
5. Latour B. Reassembling the Social. Oxford, N. Y.: Oxford Univ. Press, 2005.

6. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Harmondsworth: Penguin Books, 1967.
7. Schutz A. *The Phenomenology of Social World* / transl. by G. Walsh, F. Lehnert. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1967.
8. Merton R. K. *Social theory and social structure*. N. Y.: The Free Press, 1968.
9. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. 1st ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1962.
10. Woolgar S., Latour B. *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1986.
11. Knorr-Cetina K. D. *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. N. Y.: Pergamon Press, 1981.
12. Foucault M. *Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. N. Y.: Vintage Books, 2012.
13. Stark W. *The sociology of knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1958.
14. Richards A. I. *Land, Labour, and Diet in Northern Rhodesia: an economic study of the Bemba tribe*. Hamburg: LIT Verlag, 1995.
15. Веселов Ю. В., Цзинь Ц. Санкт-Петербург в зеркале сравнительной социологии питания // *Экономическая культура мегаполиса*. 2017. СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. С. 248–267.
16. Elias N. *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Oxford: Basil Blackwell, 2000.
17. Сорокин П. А. *Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. Петроград: Колос, 1922.
18. Цзинь Ц. Китайские рестораны в Санкт-Петербурге: исследование социологии питания // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20, № 3. С. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.3.6>.
19. Цзинь Ц. Социально-экономические механизмы функционирования китайского ресторана в Санкт-Петербурге // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология*. 2018. Т. 11, № 2. С. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.205>.

Информация об авторе.

Цзинь Цзюнькай – кандидат социологических наук (2018), младший научный сотрудник Гуманитарного института медицины факультета истории науки, техники и медицины Пекинского университета, 38 улица-колледж, Хайдянь район, Пекин, 100191, Китай. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, социология питания, история социологии в Китае и России, социальная история медицины. E-mail: j530519513@126.com

REFERENCES

1. Braudel, F. (1992), *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. I. The Structures of Everyday Life*, Univ. of California Press, California, Berkeley and L. A., USA.
2. Veselov, Y.V. (2014), "Sociology of food: theoretical foundations", in Boronoev, A.O. (ed.), *Problemy teoreticheskoy sociologii* [The problems of theoretical sociology], no. 10, Izd. centr jekonomicheskogo fakul'teta SPbGU, SPb., RUS, pp. 168–199.
3. Veselov, Y.V. (2015), "The Contemporary Social System of Food", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no. 1, pp. 68–82.
4. Veselov, Y.V. (2015), "Routine practices of nutrition", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 95–104.
5. Latour, B. (2005), *Reassembling the Social*, Oxford Univ. Press, Oxford, N. Y., USA.
6. Berger, P.L. and Luckmann, T. (1967), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Penguin Books, Harmondsworth, UK.
7. Schutz, A. (1967), *The Phenomenology of Social World*, Transl. by Walsh, G. and Lehnert, F., Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.

8. Merton, R.K. (1968), *Social theory and social structure*, The Free Press, N. Y., USA.
9. Kuhn, T. (1962), *The Structure of Scientific Revolutions*, 1st ed., Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
10. Woolgar, S. and Latour, B. (1986), *Laboratory life: the construction of scientific facts*, Princeton Univ. Press, Princeton, N. J., USA.
11. Knorr-Cetina, K.D. (1981), *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*, Pergamon Press, N. Y., USA.
12. Foucault, M. (2012), *Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, Vintage Books, N. Y., USA.
13. Stark, W. (1958), *The sociology of knowledge*, Routledge & Kegan Paul, London, UK.
14. Richards, A.I. (1995), *Land, Labour, and Diet in Northern Rhodesia: an economic study of the Bemba tribe*, LIT Verlag, Hamburg, DEU.
15. Veselov, Y.V. and Jin, J. (2017), "St. Petersburg in the mirror of the comparative sociology of nutrition", *Ekonomicheskaya kul'tura megapolisa* [The economic culture of the metropolis], Izdatelstvo Instituta Gaidara, SPb., RUS, pp. 248–267.
16. Elias, N. (2000), *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*, Basil Blackwell, Oxford, USA.
17. Sorokin, P.A. (1922), *Hunger as a factor*, Kolos, Petrograd, RSFSR.
18. Jin, J. (2017), "Chinese restaurants in Saint Petersburg: A study on the sociology of food", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 20, no. 3, pp. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.3.6>.
19. Jin, J. (2018), "Social and Economic mechanisms of the Chinese restaurants in St. Petersburg", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.205>.

Information about the author.

Junkai Jin – Can. Sci. (Sociology) (2018), Assistant Research Fellow, The School of Health Humanities; Faculty of the History of Science, Technology and Medicine, Peking University, China, 38 Xueyuan Rd, Haidian District, Beijing, 100191, China. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: economic sociology, sociology of food and eating, history of sociology in China and Russia, social history of medicine. E-mail: j530519513@126.com